

ОБЫЧАЙ КРОВНОЙ МЕСТИ В ДАГЕСТАНЕ

Мусаева А.Г.

ГАОУ ВПО Дагестанский государственный институт народного хозяйства, 367008 Российская Федерация, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Д. Атаева, 5, e-mail: dginh@dginh.ru

Статья посвящена изучению вопросов, связанных с правовыми реформами Дагестана во второй половине XIX века. Эти вопросы всегда находились в центре пристального внимания учёных. Она подразумевает изучение комплекса вопросов, связанных с государственно-политическим устройством на территории Дагестана в первой половине XIX в., правовой системой Дагестана в целом на протяжении всего рассматриваемого века, административно-судебными реформами второй половины XIX в. На вопрос: «Что такое кровная месть?» современный россиянин ответит примерно так: «Кровная месть (вендетта, от итал. vendetta — мщение) это обычай, сложившийся при родовом строе как универсальное средство защиты рода. Состоит в обязанности родственников убитого отомстить убийце или его родным. Существует среди некоторых народов Северного Кавказа. Мотив кровной мести является одним из отягчающих обстоятельств убийства в некоторых республиках и даже в России». Но даже это обстоятельство искоренило ли этот обычай у народов Северного Кавказа, в частности у народов Дагестана? Современная практика показывает, что нет.

Ключевые слова: Дагестан, обычай кровной мести, канлы, вендетта, аварцы, бидул къисас, лакцы, тухум, адат, умысел, кровомщение, умышленное убийство, возмездие.

REVENGE IN DAGESTAN

Musaeva A.G.

Dagestan state Institute of national economy, 367008 Russian Federation, Republic of Dagestan, Makhachkala, Ul. Ataeva, 5. e-mail: dginh@dginh.ru

The article is devoted to the study of issues related to legal reforms of Dagestan in the second half of the nineteenth century. These issues have always been in the center of attention of scientists. It involves the study of the complex issues associated with public-political situation in the territory of Dagestan in the first half of the nineteenth century, the legal system of Dagestan in General over the entire century, administrative and judicial reforms in the second half of the nineteenth century. On the question "What is the vendetta" modern Russia will respond with answers like: "blood feud (vendetta, from ital. vendetta - vengeance) is a custom prevailing in the tribal system as a universal remedy kind. Is the responsibility of the relatives of the murdered to avenge the killer or his family. There is among some peoples of the North Caucasus. The motive of revenge is one of the aggravating circumstances of murder in some republics and even in Russia." But even this circumstance eradicated if this custom among the peoples of the North Caucasus, in particular among the peoples of Dagestan? Current practice shows that it is not.

Keywords: Dagestan, revenge, only, vendetta, Avars, bidul chicas, lakhs, tuhum, ADAT, intent, krommenie, murder, retribution.

На вопрос: «Что такое кровная месть?» современный россиянин ответит примерно так: «Кровная месть (вендетта, от итал. vendetta — мщение) это обычай, сложившийся при родовом строе как универсальное средство защиты рода. Состоит в обязанности родственников убитого отомстить убийце или его родным. Существует среди некоторых народов Северного Кавказа. Мотив кровной мести является одним из отягчающих обстоятельств убийства в некоторых республиках и даже в России». Но даже это обстоятельство искоренило ли этот обычай у народов Северного Кавказа, в частности у народов Дагестана? Современная практика показывает, что нет.

Отношение к обычаю кровной мести двоякое. Почему? **Во времена царской власти в Дагестане на почве кровной мести или по другим причинам, коренящимся в пережитках родового быта, погибало в среднем 600 человек в год. В настоящее время также имеют место преступления, совершенные на почве кровной мести. Из 170 убийств, зарегистрированных Прокуратурой РД в 2007 году (42 составляют покушения на убийство, 7 – без вести пропавшие) на почве кровной мести совершено 4 преступления. Следует учесть, что при расследовании дел подобного рода следователи не всегда могут установить действительный мотив преступления. Поэтому реальный уровень преступности на почве кровной мести по оценкам специалистов является более высоким, чем представляет официальная статистика. Таким образом, сегодня обычай кровной мести перестал быть если не социально одобряемой, то, во всяком случае, законной формой восстановления социальной справедливости. Если взглянуть в отчеты МВД Дагестана, то можно увидеть, что в середине 2000-х годов около 15% всех убийств и покушений в республике были так или иначе связаны с кровной мезтью. Думается, что одних этих цифр достаточно для того, чтоб понять, насколько актуален этот вопрос на Кавказе. В то же время, правоохранительные органы Дагестана подчеркивают, что именно институт кровной мести блокирует разгул преступности в горных районах. Кстати, надо отметить, что обычай кровной мести больше распространен именно там.**

С одной стороны, обычай кровной мести оказывается сдерживающим фактором на пути тех, кто намерен совершить убийство. Человек понимает, что, если он убьет кого-то (или сделает что-то плохое), то родственники убитого будут преследовать его до тех пор, пока не прольется кровь убийцы. Поверьте, это действует на людей намного лучше, чем законное лишение свободы. То есть главный постулат обычая кровной мести: отомстить за убитого – обязанность каждого мужчины рода. В некоторых горных аулах Дагестана до сих пор на кладбищах есть специальное место, где хоронят тех, кто умер, не исполнив «кровного долга» или не примерившись с врагами. Но живя в современном обществе, где даже на смертную казнь введен мораторий, мы не можем позволить кому-то (пусть даже и очень обиженному человеку) вершить самосуд.

Сам по себе институт кровной мести – канлы (канлыят) – универсальный, межотраслевой институт обычного права как один из исходных в его системе играл важную роль в жизни общества. Основывался он на принципе талиона. Канлыят – «кровная мезть убийце или его родственникам, роду со стороны родственников; сородичей убитого». Это – древнейший обычай, отдельные случаи следования которому можно встретить и в наши дни.

Кровная мезть, одна из характерных черт семейного и общественного быта, отражает уровень социально-экономической жизни народа, вскрывает особенности сословно-

классовых отношений, специфику хозяйственного быта и правовых норм, характеризует этику и мораль общества на определенном этапе исторического развития. Местное обычное право узаконивало и регулировало один из основных видов насилия в горском обществе — кровную месть. Что представлял собой этот институт?

Ни у кого из современных кавказоведов не вызывает сомнения, что кровная месть (авар, бидул кьисас, от араб, шариатского термина кисас, в лакском языке несколько наименований: «обттул кьисас», «обттул интикам», «бадал») была издавна широко распространена не только у аварцев, но и во всех районах Северного Кавказа. А.В. Комаров отмечает: «Общее для всех адатов в Дагестане: везде убийство наказывается кровомщением и примирением на известных условиях». На это же указывают Ф.И. Леонтович, Н. Рейнеке и др.

Поводом для кровной мести было убийство, ранение, похищение девушки, захват земли, оскорбление гостя, чести, домашнего очага, почитавшегося у горцев, и т.д. В Дагестане, по сведениям А.В. Комарова, адаты в конце XIX — начале XX вв. позволяли убить своего кровного врага, нападающего грабителя, пойманного на месте преступления вора, похитителя женщины.

Обычай возник как мера обороны.

Члены рода должны были оказывать друг другу помощь и поддержку. Обида члену рода была равносильна обиде, нанесенной всему коллективу. Каждый полагался на свой род как на силу, способную защитить его от любых врагов. «Отсюда, из кровных уз рода, возникла обязанность кровной мести», — указывал Ф. Энгельс. Кровная месть — характерная норма обычного права сельской общины — корнями своими восходит к родовому быту. Но сельская община — это общность людей на соседских началах, а обычай кровной мести отражал отношения между кровнородственными, а не территориальными группами. В основе кровной мести лежал принцип нанесения равного ущерба, возмездия за потерю производящей единицы, за ослабление коллектива. С ростом дифференциации общества кровная месть стала инструментом социального гнета и выражением сословного неравенства. Однако нельзя не учитывать значения обычая и как средства демонстрации силы и мощи рода, что является, по мнению А.М. Ладыженского, краеугольным камнем обычая. Дифференциация общества, усиление одних родов за счет слабости других способствовали дальнейшему развитию обычая. Дифференциация, антагонистический характер сложившихся общественных отношений, развитие частной собственности на орудия и средства производства обусловили превращение родового обычая в правовую норму. «Месть из нормы бытовой с появлением частной собственности на скот, землю и

рабов становится правовым обычаем и в качестве такового пережиточно сохраняется у различных народов в течение весьма длительного исторического периода».

Убийство вызывало немедленное мщение со стороны родственников убитого. Кроме того, преследовался как кровник человек, нанесший рану, оскорбивший словом или делом, затронувший честь матери, сестры, дочери, жены. «Однако на практике, в повседневном быту рамки действия кровной мести по существу были безграничны. Малейшее оскорбление влекло за собой убийство, а последнее — месть», — пишет В.П. Егорова о дагестанцах. Это же в полной мере относится и к лакцам. За оскорбление словом или действием женщины виновный преследовался и родственниками отца, и родственниками мужа. Поводом для мести могло послужить и оскорбление гостя. Способствовало сохранению кровной мести и бытование обычая похищения женщин. Родственники женщины и ее мужа преследовали похитителя, и хотя адат лакцев допускал в таких случаях примирение на известных условиях, тем не менее, дело часто заканчивалось убийством обидчика. Акт этот вел за собой месть со стороны родственников убитого, и таким образом, кровная вражда могла затянуться на долгие годы. С. Габиев считает даже, что похищение женщин и последующая кровная вражда являлись главным тормозом роста населения Лакии. Однако в условиях господства эндогамии похищения женщин и девушек совершались не столь часто и носили эпизодический характер. Убийством наказывалось нередко оскорбление девушки действием, известным у лакцев под термином «бугъан». Мужчина при свидетелях или целовал девушку, или притрагивался к ней рукой. После этого либо мужчина, добившись примирения с родственниками девушки, женился на ней, либо, желая оскорбить ее родственников, отказывался от женитьбы и подвергался их преследованию как кровник, либо, не получив разрешения жениться на девушке, опять-таки преследовался ее родственниками. К оскорбленной таким образом и не вышедшей замуж за оскорбителя девушке никто уже не решался посвататься, и она до конца своих дней ходила с клеймом «опозоренной». Последний из перечисленных вариантов у лакцев был наиболее редким. Некоторые исследователи полагают, что мужчина подвергался преследованию даже в том случае, если его прикосновение к девушке было не злонамеренным, нечаянным.

Возможность возникновения кровной мести из-за «ничтожно малого повода» делала ее особенно опасным явлением для общества.

Преследованию как кровник подвергался только совершеннолетний мужчина или его совершеннолетние родственники. Позор и общественное осуждение на голову того, кто в порыве мести убивал немощного старика или подростка. Не подлежали мщению также больные и умалишенные. Адат допускал осуществление акта мщения в любой обстановке, при любых ситуациях. Однако в отдельных случаях кровомщение считалось недостойным,

унизительным для мужчины: убийство безоружного, удар или выстрел в спину, убийство молящегося, спящего, страдающего временным недугом до его выздоровления. По нашим сведениям, если у убийцы случалось горе, несчастье — умирал близкий, сгорал дом и др., мщение на время откладывалось.

Как уже указывалось, кровная месть на женщин не распространялась, мстителем женщина не выступала. Но были и такие села, в которых, в случае отсутствия совершеннолетних мужчин, мстили женщины (село Ругуджа Гунибского района). Однако от нее многое зависело, так как, содействуя в одних случаях примирению с кровником и разжигая ненависть к врагу в других, она влияла на поступки своего отца, брата, сына, мужа. Учитывая это, царская администрация пресекала возможность подстрекательства («гьутI бан») к мщению. Так, в 1869 г. окружной суд постановил выселить из с. Кая Аштикулинского наибства женщину, подстрекавшую сына к мщению.

К кровной мести между тухумами и даже целыми селениями могли привести поземельные споры. Эта категория столкновений издавна известна в страдающем от малоземелья Нагорном Дагестане. Наиболее частным случаем таких столкновений были споры о праве пользования пастбищными участками и водой. Они нередко приводили к ссорам и дракам, в свою очередь кончавшимся ранениями и убийствами, за которые адат устанавливал кровоотмщение. Появление кровной мести между тухумами часто были связаны с умышленным убийством или ранением, а также оскорблением словом или действием. Оскорблением, которое можно было смыть только кровью обидчика, считались также кража с целью оскорбления или нанесение увечья лошади или собаке истца.

Всякая личная обида, хотя бы она была вызвана необходимостью самозащиты, неосторожностью или случаем, причинена была сумасшедшим, даже животным, имела своим последствием кровную месть, причем уклониться от мщения, допустить обидчика к выкупу грозящего возмездия – считалось позором. Таково было положение уголовного права кавказских горцев в древний период.

Кровомщение допускалось между лицами одного сословия, за убийство раба виновный платил только штраф. Право и обязанность преследовать убийцу или примириться с ним, как правило, принадлежали ближайшему родственнику убитого. Примирение могло совершиться не раньше, чем через год после преступления, и все это время убийца должен был находиться в изгнании и скрываться от мщения. Кровная месть была долгом и делом чести для всех членов рода пострадавшего, бывали случаи, когда она прекращалась — в случае непримирения — лишь после полного уничтожения одного из враждующих родов.

В многочисленных трудах, исследованиях дореволюционных и советских историков обычай кровной мести нашел свое отражение. Между тем, в нашем распоряжении имеются

лишь единичные описания случаев кровомщения в Нагорном Дагестане в дореформенную эпоху. Причем, это весьма нетипичные примеры, при которых столкновения между тухумами или джамаатами спорадически продолжались в течение нескольких поколений и периодически вспыхивали со второй половины XIX по XX в. Например, в даргинском с. Кадар Нагорного Дагестана два тухума враждовали около 200 лет, с XVII до 60-х годов XIX в. А как известно из практики прошлого столетия, обычно кровная месть не затягивалась так надолго.

Путешествовавший по Северному Кавказу в 1781-1783 гг. квартирмейстер на русской службе Штедер писал о кровной мести у осетин: «Кровавая месть и самовольные действия были обязательны среди семей; позор и презрение продолжались до тех пор, пока эта обязанность не была выполнена. Мщение, грабеж и убийство считались добродетелью, вследствие чего погибать считалось славным».

Обычай кровомщения универсален для обществ, находящихся на стадии родового строя или сохранения его остаточных явлений, о чем писал крупный этнограф-кавказовед М.О. Косвен: «Забота о самосохранении заставляет весь род вставать на защиту, хотя бы обиженным был лишь один из членов рода. Месть становится долгом, делом чести, священной обязанностью». Существование этого обычая на Кавказе, хотя и в видоизмененных формах, говорит об архаичности и стойкости традиционной общественной жизни у некоторых горских народов Северного Кавказа. Гидатлинские адаты XV-XVII вв. и большинство других записей адата, сделанных в позднесредневековом Дагестане, устанавливают в возмещение за убийство и ранение или смертельное оскорбление (изнасилование жены, прелюбодеяние) не талион, а цену крови (дият). Сохранилось немало договоров между разными общинами об унификации этого штрафа.

При самостоятельности родовых союзов (см. Тохум) и отсутствии государственной власти, споры по поводу обид, нанесенных членами одного рода члену другого, не могли иметь других последствий, кроме самосуда родов. Этот самосуд принимал двойную форму, смотря по характеру самой обиды. Обиды имущественные, к числу которых горцы относят не только случаи неисполнения принятых обязательств, но и преступления против собственности (воровство), дают повод к имущественному самоуправству.

Сам обиженный или любой из членов его рода имеет право обратиться к насильственному захвату имущества обидчика или кого-либо из членов его рода. Такое допускаемое адатом самоуправство известно на западном Кавказе под именем "баранты", а на восточном - "ишкиля".

Под обидами личными горцы понимают такие преступные действия, в которых обиженным, по их воззрениям, является не частное лицо, но весь его род (убийство, увечье,

поранение, оскорбление семейной нравственности). Такие обиды влекут за собою кровомщение. Последнее составляло обязанность не одних ближайших родственников-наследников, но и каждого, кто входит в состав одной с ними родовой группы. Род мстил роду, аул – аулу.

Позднее, под влиянием различных культурных влияний и, главным образом, шариата, а также по причине всеми сознаваемой необходимости положить предел неограниченности кровомщения, грозившей истреблением враждующих родов, горцы отступили от вышеизложенного взгляда на кровную месть. Вместо неограниченного самосуда родов начинает пробиваться начало личной ответственности. Район действия кровной мести, простиравшийся на весь род, начинает ограничиваться ближайшими родственниками преступника и его жертвы. Только последние считаются канлы, т. е. подлежащими мести, все же прочее родичи отвечают только имуществом. Вместо неограниченности мести в адат начинает проникать учение о равенстве возмездия и о том, что преступность лежит не столько в материальном вреде, причиненном частному лицу, семье или роду тем или другим действием, сколько в злой воле виновника.

С проникновением в адат понятия умысла прежняя всеобщность кровомщения должна была ограничиться случаями умышленных убийств, увечий и поранений.

Вместе с тем устанавливается воззрение, что убийство и ранения при необходимой обороне, убийство вора или грабителя в момент совершения им преступного действия, убийство застигнутого на месте прелюбодея не дают повода к возмездию; что в применении кровомщения к обидам должна быть установлена известная градация; что размер возмездия измеряется тяжестью обиды и что неосторожные и случайные действия, как бы значительны ни был причиненный ими вред, подлежат возмездию в меньшей степени, чем предумышленные, а убийства, поранения и увечья, нанесенные животными или неодушевленными предметами, при отсутствии вины со стороны их хозяина, и вовсе ненаказуемы.

С восприятием адатом вышеупомянутых начал, народное воззрение на бесчестье, постигающее того, кто не смыл обиды кровью, заменяется более человеческим учением о чести, ожидающей того, кто простит кровника под условием выкупа и тем более – помимо него. Вместе с этим вырабатываются адатом различные способы достигнуть примирения с родом обиженного.

У разных народов Кавказа уголовное право находится на различных ступенях развития. В Аварском округе Дагестанской области адат, допуская еще "поток и разграбление", различает неосторожное и случайное убийство от умышленного и требует кровной мести на началах талиона только для последнего. Наиболее близко к древним воззрениям стоит

уголовное право в обществах Гунибского, Даргинского, Андийского округов Дагестанской области. Здесь нет различия между умышленным и неумышленным убийством; всякая личная обида вызывает неограниченное кровомщение, разорение всего имущества виновного, его семейства и его рода и изгнание из аула не только убийцы, но и всего его семейства.

В большинстве районов Нагорного Дагестана с сильной независимой общиной последняя устанавливала систему композиций за кровную месть, которая здесь охраняла в основном права свободных общинников (узденей). Чтобы предотвратить взаимное истребление целых тухумов, было принято высылать убийцу (а в некоторых районах и его ближайших родственников) далеко за пределы владений общины. Несколько десятков селений Дагестана основаны тухумами кровников, бежавшими от кровомщения. В Анди можно найти фамилии выходцев из Цудахарского и Акушинского «вольных обществ», а в Гидатле. Акуше, Цудахаре — андийские фамилии и т.д.

В Гидатле для примирения враждующих фамилий собирались старики всех 6 селений, составлявших Гидатлинское «вольное общество», и устраивали примирение. Положение кровника и простого путешественника среди горцев регулировалось обычаем гостеприимства, распространенным практически у всех мусульманских и христианских народов региона.

Естественная смерть убийцы или его арест административными властями не прекращали месть.

В первом случае мстили ближайшему родственнику виновного (отцу, брату, сыну, дяде и т. д.), а во втором кровник преследовался после отбытия административного наказания.

Случалось, что две семьи имели одного кровника. Убийство последнего считалось осуществлением мести обеих групп родственников, если они до этого при свидетелях заключали соглашение по принципу «наш враг — ваш враг». Без этого убийство кровника одной из сторон не давало удовлетворения другой. После подобного соглашения и осуществления акта отношения становились близкими и дружественными, и такая дружба считалась почетной.

В Нагорном Дагестане похожие отношения иногда устанавливались между ханствами и «вольными обществами». Недаром в Ботлихском, Годоберинском, Чамалинском и ряде других андийских языков слово «аварцы» (подданные Аварского ханства) стало синонимом «гостя, кунака».

Церемония примирения состояла в следующем. Члены враждующих фамилий становились в два ряда, на некотором расстоянии друг против друга. Между ними стояли почетные старики нейтральных фамилий. Один из самых уважаемых стариков читал

молитву, затем произносил речь, заклиная навсегда прекратить вражду. После этого мир объявлялся восстановленным, и устраивалось угощение. Расходы на угощение в некоторых общинах брали на себя нейтральные фамилии, организовавшие примирение. Примирение иногда сопровождалось уплатой виновной стороной пострадавшей семье некоторой компенсации; но это делалось негласно, чтобы не сказали, что пострадавшие помирились из корыстных побуждений, подкупленные деньгами или имуществом. После примирения кровники назывались «братья крови» (авар, бидул вацIал).

Как видно значительное число конфликтов в традиционных горских обществах были обусловлены стереотипом поведения и ментальными особенностями горцев, на почве которых имело место кровная месть. Горцы дорожили честью, достоинством и репутацией, как своими, так и тухума, наряду с жизнью, посягательство на которую было сопряжено с конфликтами. В этой связи оружие для горцев являлось фактором конфликтного потенциала, наличие которого в большом количестве держало все общество в психологическом напряжении.

Частыми в горах были случаи, когда объектом конфликтного потенциала являлась женщина, ущемление чести которой задевало каждого члена тухума и возбуждала тухумную солидарность. С учетом этого шариат и адат строго регламентировали общественные взаимоотношения, связанные с женщинами, в том числе и бракоразводные процессы. Ментальность горцев, основанная на строгой нравственности, предусматривала моральную чистоту тухума и джамаата посредством остракизма аморального представителя или его физического устранения.

В регламентации общественных отношений, в том числе в целях профилактики конфликтов, значительную роль играли этика и культура поведения в обществе, основанная на морально-нравственных предписаниях, которые способствовали обеспечению динамической стабильности в джамаатах. Наряду с моральными предписаниями адат и шариат коррелировали в регламентации общественных отношений и разрешении социальных конфликтов. При этом проблемы самоуправления в джамаатах и регламентация общественной жизни в общине являлись прерогативой норм обычного права – адатов.

Острые социальные конфликты на почве убийств и поранений в традиционных горских обществах носили распространенный характер, а их наличие предусматривало эффективные формы и методы их профилактики и разрешения. Наиболее совершенной с точки зрения социальной адекватности и эффективной с точки зрения соответствия ментальности горцев формой разрешения острых социальных конфликтов был маслаат. Являясь самобытной формой разрешения конфликтов у народов Дагестана, маслаат трансформировался вместе с общественными отношениями и приобрел свой заверченный вид к середине XIX в., после

чего под влиянием российских порядков и законов актуальность маслаатной формы разрешения конфликтов медленно, но неуклонно падает.

Список литературы

1. Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX века. М., 1988.
2. Бекишиева С.Р. К вопросу об источниках (формах) обычного права народов Дагестана // Россия и Кавказ: история и современность: Материалы Международной научной конференции. Махачкала: Издательство «Наука ДНЦ», 2010. С. 361-366.
3. Бекишиева С.Р. Проблемы применения примирительных процедур на Северном Кавказе в современный период// <http://www.rusnauka.com>.
4. Бобровников В.О. Мусульмане Северо-Восточного Кавказа: Обычай, право, насилие. М., 2002.
5. Гидулянов Л. Адаты народов Кавказа. Обычное право народов Северного Кавказа, армян и тюрков. Аталычество. <http://ru.wikipedia.org>.
6. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе, М., 1890.
7. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон, М., 1886.
8. Комаров А.В., Адаты и судопроизводство по ним; М. Ковалевский, Дагестанская народная правда. Этнограф. Обзор, № 1, 1890 г.
9. Леонтович Ф. И., Адаты кавказских горцев. Различные адаты горцев напечатаны главным образом в «Сборнике сведений о кавказских горцах» (т. I - X, Тифл., 1868-81).
10. Лугуев С.А. О кровной мести у лакцев во второй половине XIX-нач. XX вв. В сб. Семейный быт народов Дагестана в XIX—XX вв. Дагестанский этнографический сборник. Махачкала 1980. С.89-107.
11. Магомедова З.А. Сведения исторического характера в письмах наибов Дагестана (середины XIX в.)// Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2013. № 4 (36). С.33-40.
12. Мусаева А.Г. Некоторые сведения о союзе вольных общин нагорного Дагестана – Бакъльулал (Гумбете) в XIX – начале XX в. (историко-правовой аспект) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: www.science-education.ru/120-15762.
13. Мусаева А.Г. Правовые и этически-нравственные способы самоочищения в дагестанском обществе.// Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 12-2. С. 75-77.

14. Мусаева А.Г. Характерные черты адатного права у горцев Дагестана//Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 10-1. С. 243-245.
15. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. М., 1986.
16. Сюкияйнен Л.Р. Шариат и мусульманско-правовая культура М., 1997.
17. Халифаева А.К., Агакеримова Ч.А. Обычное право народов Дагестана//Российское право в Интернете. 2007. № 2. С. 13.

Рецензенты:

Магомедов Н.А., д.и.н., профессор, заведующий отделом древней и средневековой истории Дагестана ДНЦ РАН ИИАЭ, г. Махачкала;

Кидирниязов Д.С., д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник отдела древней и средневековой истории Дагестана ДНЦ РАН ИИАЭ, г. Махачкала.